

Творческий портрет

ГОРЖУСЬ РОВЕСНИКОМ

На этой улице, Юрко, тихой и тенистой улице Пастера, кажется, прошумели все лучшие годы нашей жизни, связанные с театром, с родным украинским театральным искусством.

Сейчас нам уже по шестьдесят, и все знают тебя как народного артиста Украинской ССР Георгия Гавриловича Бабенко, одного из представителей уже самого старшего актерского поколения театра имени Октябрьской революции, одного из тех немногих, кто работал здесь «до войны», которая стала таким памятным рубежом в нашей жизни.

А мне хочется вспомнить далекое двадцатые годы, когда рабочий паренек Юрко Бабенко перешагнул порог небольшого клуба в конце той же улицы Пастера, где потом все годы по сегодня трудится в большом драматическом театре.

Вот здесь, в этом клубе, и началась жизнь в искусстве Юрка — Георгия Гавриловича Бабенко. Из художественной самодеятельности он пришел в театр и стал одним из его ведущих мастеров. Впрочем, в ту пору этот путь на профессиональную сцену был не менее распространен, чем через студии и другие специальные учебные заведения. Широко клынули народные таланты в искусство — благодаря Советской власти, благодаря Коммунистической партии.

Став актером одного из ведущих театров на Украине, он осознал, сколько ему надо взять от профессионального мастерства, от театральной науки. Помнишь, Юрко, те долгие дни и вечера, когда, не занятый в спектакле, ты просиживал в зрительном зале на репетициях и спектаклях, стремясь воспринять у Шумского и Мациевской секреты их необычной — и такой разной! — сценичности. Как жадно воспринимались режиссерские застольные беседы, когда они умели зажечь будущих исполнителей.

А потом были книги — большая сценическая мудрость высоколобного седого человека со светлыми глазами с старомодным пенсне на шнурке, десятки книг, режиссерских уроков, актерских исповедей, театроведческих изысканий, сценических мемуаров. Они помогли рождению большого актера Бабенко, который никогда не надеялся лишь на природный талант, а всегда много учился.

В ту пору театральной молодости рано ушедший от нас интереснейший режиссер Кость Кошевский определил твой творческий профиль как характерного героя с комедийным уклоном. Года два тому назад, вспоминая Кошевского, ты признавался, как это было верно сказано.

Я тоже думаю, что Кость был прав. Жан Жирарден в «Неизвестных солдатах» и Пронашка в «Дівчатах нашої країни», Іван Барильченко в «Суєті» и «Житиському морі», Соловейчик в «200.000». Шолом-Алейхем, Егор Булычов и Карл Моор, исполнитель ролей во многих пьесах Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона... Да, это характерный герой с комедийным уклоном, хотя, естественно, он порой удачно выходил за пределы и такого широкого театрального «амплуа».

Есть пьесы, которые особенно вписались в биографию Георгия Бабенко. Это прежде всего — «Загибель ескадри» Корнейчука.

Ты играл небольшую по «метражу» роль Балтийца, но в его непреклонной суровости жила воля всей Большевикской партии. Ему не верят, арестовывают, угрожают расстрелять, но он непоколебим. И ты осознал тогда на всю жизнь, каким

должен быть коммунист, когда он оказывается в таких трудных условиях, как Балтиец. Наверное, когда потом тебя самого принимали в партию, ты вспомнил Балтийца. Как пример, наставление на будущие годы.

Много-много лет спустя в твоём репертуаре появилась еще одна примечательная роль — партийного вожака, созданная тоже Александром Корнейчуком — секретаря обкома Ромодана в «Крилах». Это образ большого, настоящего руководителя, умеющего увидеть и осознать новое, непримиримого ко всякой подлости и лицемерию.

Сейчас ты, Георгий Гаврилович, тоже партийный руководитель, секретарь партийной организации своего театра, и мне хочется, чтобы ты почаще обращался к сыгранному тобой герою-коммунисту.

Каждому актеру приятно, конечно, играть роли положительных героев, тех, что учат, каким надо быть, как надобно жить. Но в драматургии ведь всегда, или почти всегда, идет борьба добра и зла, пьесы изрядно населены и отрицательными персонажами. Их надо тоже играть! И, что особенно важно, не рисовать их, одной черной краской, а попытаться раскрыть корни зла, объяснить многое в характере.

У меня сохранилась небольшая книжечка, изданная в свое время театром к премьере пушкинского «Бориса Годунова» в 1937 году и мною отредактированная. Там твоя заметка о роли Самозванца, которую тебе предстояло сыграть в спектакле. Ты правильно писал тогда, что при всей неразгаданности этой исторической фигуры для нас важен не его облик, а роль, которую он сыграл, став, по слову Пушкина, поводом для распри и войны. Он пришел к власти в водовороте народного бунта, на волнах народного гнева, но был сознательным орудием в руках польского панства, оно его использовало в своих политических целях. Ты нашел тогда правильное решение сценического образа.

Сколько лет и даже десятилетий прошло с той поры, сколько сыграно за это время самых различных ролей — и таких, что понастоящему волновали актерское сердце, и таких, что своей идейной и художественной скудостью не могли увлечь мастера. Хочется все же надеяться, что первых было больше!

Из сыгранного за последние годы мне особенно понравился дядя Миша из одноименной пьесы, хотя этому спектаклю на нашей сцене не повезло — в актерском составе труппы не нашлось актера, который мог бы сыграть «двойника» дяди Миши в годы его революционной, чекистской молодости, добившись внешней и внутренней схожести. Но то, что сделал в этом спектакле Бабенко, было великолепно.

Актер большой мысли, он проникновенно подытожил и жизненный путь того поколения, которое творило революцию. Это поколение на десять лет старше поколения Бабенко, но он сумел внести в образ очень много из своего личного опыта, из опыта своих ровесников и поэтому так по-настоящему взволновал и героической судьбой дяди Миши, и его найденным личным счастьем.

Твори и дальше, перешагнув шестидесятилетие, в своем ключе! Пусть всегда на улице Пастера цветут над нами родные акации!

А. НЕДЗВЕДСКИЙ,
профессор, доктор
филологических наук.

На снимке: Г. Г. Бабенко.